

Сталлинец

Орган партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Саратовского Государственного Университета имени Н. Г. Чернышевского

№ 1 (74)

1 января, Суббота 1949 года

Выходит 3 раза в месяц

К НОВЫМ ТВОРЧЕСКИМ ДОСТИЖЕНИЯМ В 1949 ГОДУ!

Четвертый год послевоенной сталинской пятилетки будет новым шагом вперед

Окончился 1948 год. Это был год вдохновенного труда советского народа над выполнением великих задач, поставленных партией и товарищем Сталиным, год мощного напряжения нашей страны к коммунизму.

Вместе со всем нашим народом настойчиво работал в прошедшем году коллектив научных работников и студентов Университета. Сотни новых научных работ, десятки подготовленных и защищенных диссертаций — таков вклад ученых нашего Университета в общенародное дело строительства коммунизма. В прошедшем году из стен Университета вышел новый большой отряд высококвалифицированных специалистов — несколько сотен юношей и девушек: университетскими дипломами поехали в разные края нашей огромной страны, чтобы в научных учреждениях и учебных заведениях применять знания, полученные в упорной пятилетней учебе. А на смену им уже пришла и начала учебу новая молодежь.

Прошедший год ознаменовался новыми успехами коллектива. Наступивший год должен стать годом еще

более энергичной работы по выполнению задач, поставленных партией и правительством перед учеными и учащейся молодежью нашей страны. Крепить связь с производством, быстро откликаться на запросы народного хозяйства, обогащать отечественную науку все новыми открытиями, поднимать качество обучения и воспитания молодежи — таковы большие и почетные задачи коллектива научных работников и преподавателей.

Упорно и настойчиво овладевать знаниями, готовиться стать достойными представителями советской интеллигенции — вот над чем еще энергичнее будет работать студенческий коллектив Университета.

Год от года растет и богатеет наша страна. Под солнцем Сталинской Конституции счастливо живут, работают и побеждают миллионы советских людей.

Наступивший 1949 год, четвертый год послевоенной сталинской пятилетки, станет новым большим шагом вперед, в светлое будущее, к коммунизму.

С новым счастливым годом, товарищи!

Изучение творчества русских классиков

В истекшем году мною велась работа по изучению русской драматургии накануне Чехова, по вопросам формирования творческого метода Льва Толстого и по подготовке двух томов собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (том XII и том XIII, Гослитиздат).

В будущем году, кроме продолжения начатых работ по изучению творчества Чехова и Толстого, намечается изучение той идейной традиции в русской художественной литературе, завершением которой явился роман Чернышевского «Что делать?».

Проф. А. СКАФТЫМОВ.

Буду ПЕДАГОГОМ

1948 год прошел у меня в упорном труде. Летом я проходил преддипломную практику, изучая экономику сельского хозяйства в пригородной зоне г. Саратова. Мне удалось собрать богатый материал для дипломной работы на тему «География сельского хозяйства пригородной зоны г. Саратова».

Анализируя годовые отчеты колхозов и совхозов, я всюду видел неуклонное расширение сельскохозяйственного производства, горячее стремление людей поднять экономику наших колхозов. Я был свидетелем многих трудовых подвигов колхозников, строящих новую культурную и жилищную жизнь.

Практика дала мне возможность ближе познакомиться с сельскохозяйственным производством.

В новом, 1949 году, меня ждет важное в моей жизни событие — окончание Университета и новая трудовая деятельность на педагогическом поприще. Я горячо люблю свою будущую специальность педагога. Роль педагога почетна, особенно в нашей стране, где советский учитель окружен повседневной заботой нашей партии и правительства.

Н. ДОБРОХОТОВ — студент V курса географического факультета.

НАШИ ТРУДОВЫЕ БУДНИ

НА ТРЬБУ С ЗАКОНОЙ

В 1947—48 учебном году я закончил подготовку к печати двух работ большого производственного значения: «Проблема ликвидации гнездилищ азиатской саранчи» и «Поведение азиатской саранчи». За это же время сотрудники кафедры представили в «Ученые записки СГУ» три статьи по вопросам борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Студенты, специализирующиеся на кафедре зоологии беспозвоночных, выполнили ряд серьезных исследований. Два из них представляются в Москву для опубликования в сборнике студенческих научных работ. Кафедра готовится принять участие в реализации мероприятий партии и правительства по борьбе с засухой.

Проф. Л. ЗАХАРОВ.

Изучение культуры бронзовой эпохи

1948 год прошел для меня не бесследно. В этом году я закончил и подготовил к печати две работы: «Археологические памятники в нижнем течении р. Пловли» и «Из истории родового общества бронзовой эпохи». Весной прошедшего года я принимал участие в работе археологического пленума Института истории материальной культуры, а летом был в экспедиции в бассейне рек Большого и Малого Узенья (Западный Казахстан), где открыты и обследованы древнейшие памятники заселения прикаспийских степей.

В 1949 г. я буду продолжать изучение культуры бронзовой эпохи. Для этого предполагалось съездить в экспедицию в район села Пролейки, чтобы продолжить раскопки скпфских курганов, начатые летом 1947 г., а также сделать археологическую разведку по совершенно не исследованному бассейну р. Терешки близ города Вольска.

Кроме того, я мечтаю напечатать две-три работы в издательстве Академии наук СССР.

И. СИНИЦЫН — кандидат исторических наук.

Мечта осуществилась

Как все школьницы и школьники советской страны, я мечтала о том времени, когда окончу среднюю школу и стану студенткой. И вот в 1948 г. моя мечта исполнилась: я стала студенткой исторического факультета Университета.

Это было для меня большой радостью. Приятно было сознавать, что ты уже взрослый человек, гражданин советской страны, которая открывает перед тобой все пути: выбрай любой. Великое счастье дала нам Родина. Хочется отблагодарить ее. Хочется видеть нашу Отчизну еще более сильной и могучей.

1949 год я отдаю на овладение исторической наукой, чтобы в будущем стать хорошим советским специалистом.

Н. КОЛТАНОВА — студентка I курса истфака

ВПЕРЕДИ ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

В 1948 году я сделал два доклада на научных конференциях. Один из них — о Михаиле Шолохове, творчеством которого я занимаюсь все годы обучения в Университете.

Мною также составлен и принят к печати библиографический указатель «М. А. Шолохов», закончена подготовка материалов и исследований по теме «Творческая история «Тихого Дона». Эта работа, построенная на неопубликованных материалах и новых разысканиях, в 1949 году будет представлена мною государственной комиссии для защиты как дипломная работа.

В будущем году я предполагаю побывать в станице Вешенской и поработать над источниками «Тихого Дона», буду работать также в архивах Ростова-на-Дону.

После окончания Университета мне предстоит переработать уже написанный и частично опубликованный роман «Земля русская».

В. ГУРА — студент V курса филфака.

У АСПИРАНТОВ

Число аспирантов в Саратовском Университете непрерывно растет: на 1 января 1948 года их было 56 человек, к концу года насчитывается 64.

В 1948 году 16 человек окончили трехгодичный срок аспирантуры. 4 человека защитили кандидатские диссертации: Мальцев, Грязев, Пугачев, Фролова. Климов, окончивший аспирантуру в 1947 году, также защитил диссертацию в минувшем году. 3 человека представили работы к защите. Двое заканчивают работу над диссертационными темами.

Из вновь принятых в аспирантуру 18 человек — воспитанники нашего Университета.

Проф. В. Елпатьевский

Спорт — мое любимое занятие

Спорт — мое любимое занятие. В 1946 году я начал заниматься гимнастикой. Упорная тренировка принесла первые успехи: в 1947 году на соревнованиях гимнастов города я занял первое место по 3 разряду. Это придало мне больше уверенности в своих силах, больше желания заниматься. Больше труда — лучше успехи: я выступал на параде физкультурников в Москве, был участником всесоюзных соревнований, участвовал в зональных соревнованиях в Куйбышеве.

28 ноября 1948 г. на соревнованиях в г. Саратове я выступал от коллектива Университета и занял 2-е место по II разряду. 19 декабря 1948 г. на заключительных городских соревнованиях добровольных спортивных обществ я добился первенства среди гимнастов II разряда.

Я — студент филологического факультета. Моя мечта — одновременно с учебой в Университете продолжать заниматься гимнастикой, чтобы в 1949 г. защитить I разряд.

Я хочу стать здоровым, сильным, упорным, готовым в любой момент встать на защиту любимой Родины.

В. СЕНЦОВ — студент филфака.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Г. БОЕВ

РУКОПИСЬ

(РАССКАЗ)

Алексей Чижов отвел взгляд от пожелтевших страниц растрепанной тетради, покрытых бисерным почерком француза и задумался. Кому принадлежит эта выдавшая в руки, как, когда она попала в коллекцию рукописей научной библиотеки?

Чижов, подбирая материалы к своей дипломной работе о войне 1812 года, случайно наткнулся на эту тетрадь, содержащую воспоминания некоего лейтенанта инженерных войск. Рукопись обрывалась и не имела подписи.

Начало рукописи заинтересовало Чижова. Он читал:

«В первый раз за эти ужасные 10 месяцев я получаю возможность прикоснуться к бумаге и изложить всю цепь событий, приведших меня к берегам Волги в состоянии жалкого пленника, едва живого от усталости и голода. Всего три года отделяют меня от тех дней, когда ослователь Политехнической школы и великий ученый нашего времени, забываемый профессор Монж закладывал в нас, его учениках, прищипы геометрии и возбуждал стремление принести пользу Франции, ее народу и ее индустрии. Между тем кажется, что с тех пор прошла вечность...».

Далее в рукописи рассказывалось, как ее автор по окончании Политехнической школы вернулся в свой родной город Метц, чтобы получить специальное образование в Прикладной школе, как по окончании ее, полный надежд и лучших стремлений, он отправился выполнять оборонные работы на остров Валькерен, как, проработав не более двух месяцев, он был призван в качестве лейтенанта инженерных войск, как наскоро собравшись, он отправился договаривать свою часть и в Витебске присоединился к Великой Армии.

Чижов отвел взгляд от рукописи и задумался. Ему вспомнились недавние дни собственной фронтовой жизни. Ему вспомнились летчик-француз, прилетавший в числе других летчиков «челночной» эскадрильи союзников на аэродром, обслуживаемый частью Чижова. Чижов, прилетавший несколько раз самолет француза и объясняясь, как умея, по-французски, свел с летчиком знакомство, перешедшее в искреннюю дружбу.

Гастон Понселе, порывистый и говорливый, и Алексей Чижов, сдержанный и молчаливый, с любопытством всматривались в душевный мир один другого. Чижову особенно запомнилась ночная беседа, оказавшаяся последней и роковой для Гастона.

— Вы знаете, камрад Алексис, — говорил Гастон, — мы, французы, потеряли нашу родину из-за эгоизма и беспечности. Один из нас любил только себя, свои доходы, свои «бутики» и не желал поступиться для стечества ни одним сантимом, другие «обожали прекрасную Францию», воображая, что ее любят и союзники и станут ее защищать. Но никто не стал защищать Францию: ни лавочники, ни банкиры, ни интеллигенция, ни союзники. И Францию попросту растоптали.

— Вы спрашиваете, что я думаю о французских коммунистах? О, поверьте, мой друг, если Франция возродится, это будет самая популярная партия! Коммунисты понимают истинные причины событий и не сделают тех ошибок, которые сделали их отцы и деды. А разве мало было на протяжении истории настоящих друзей народа, настоящих сынов Франции, искренно желавших принести ей пользу, но не понимавших пружин событий, и их мечты и попытки кончались калейдоскопом диктаторов и монархов, финансовых авантюристов и политических реакционеров! Образ моего прадеда всегда встает у меня перед глазами, когда я размышляю о роли интеллигенции в судьбах Франции. Вы, как механик, камрад Алексис, должны знать имя моего прадеда, не правда ли?

— Ах, вы не механик по призванию? Вы мечтаете после окончания войны оканчивать исторический факультет? Тогда знайте, мой друг, что Жан Виктор Понселе, мой прадед, был выдающимся ученым и инженером своего времени. Это он, более ста лет тому назад, создал проективную геометрию и прикладную механику. Это он, будучи профессором При-

кладной школы в Метце, а затем — Сорбонны и начальником Политехнической школы, воспитал не одно поколение геометров и инженеров. Но он был и государственным деятелем, занимал высшие инженерные и военные должности, состоял членом Комитета Обороны и был представителем Франции на всемирной выставке в Лондоне. Рассказы о прадеде, как человеке и патриоте, передаются в нашей семье, равно как и его дневник. Этот дневник — единственная ценность, которую мне удалось вывезти из Франции, находясь здесь, на дне моего чемодана. Я вам покажу его, этот дневник, и вы убедитесь, что лучшие и культурнейшие люди нашей родины были слепы.

Вот один, страницы его дневника:

«Сентябрь 1814 года. Итак, дни одиночества, холода и тоски остались в прошлом. Я снова вижу Францию, но не радость, а грусть заполняет мое сердце. Как могло случиться, что мощь Франции сломлена, что ее финансы исчерпаны, а истребительная армия в Париже и диктатура Франции свою волю?»

«Декабрь 1822 года. Катастрофа 1815 года и условия мира, которым я воздержусь дать какой-либо эпитет, ржкая получить вынужденный досуг, мало отличающийся от досуга в тюрьмах России, поставили перед каждым патриотом вопрос о его дальнейшей деятельности совместимой с его совестью. Вот почему, вопреки страстному желанию отдалиться чистой геометрии, я счел своим долгом честно исполнять обязанности военного инженера в Арсенале Метца, куда я был назначен немедленно по возвращении во Францию, и тем способствовать укреплению ее мощи. Правда, множество занятий и поручений, выполнявшихся мною в это время — по составлению проектов и постройке шоссе, заводов, гидравлических молотов, лесопил и т. д. оказались источником моих более или менее счастливых открытий и механики, но я не оставлял мысли привести в порядок те геометрические идеи, с которыми я с таким нетерпением возвращался на родину. Сейчас эта мечта исполнилась: мне удалось опубликовать «Трактат о проективных свойствах фигур».

«Август 1825. Увы, ни трактат, ни последняя моя работа «Новая геометрия», посланная в Академию наук, не встретили одобрения. Не могу поверить, чтобы академик Коши, роялист, в оценке моей работы руководствовался политическими соображениями! Неудача, постигшая меня, заставляет меня согласиться на настоящие предложения профессора Араго занять кафедру механики в Прикладной школе в Метце. Читая курс механики я окажу пользу рабочему классу и нашей молодежи, так как лезю к вечным истинам науки, которую я надеюсь вывезти, возбудит ненависть к интригам и жадности, столь характерным для нашей эпохи.

«Январь 1823. События в Петербурге снова возвращают меня к мысли о необходимости издать те записки по геометрии, которыми я был занят в ужасном 1813 году, так как гневным винозником их возникновения и является граф Милорадович, теперь сам павший жертвой декабрьского заговора, созревшего в недрах дворца русских царей. Этими записками я надеюсь принести пользу инженерам и художникам.»

— Et bien, камрад Алексис, уже из этих строк вы видите, как в дневнике моего прадеда переплетаются благородные стремления ученого с политическим безразличием и слепотой обывателя. Но мы, французские коммунисты, будем работать не в арсенале банкиров, не так ли?..

Алексей Чижов снова углубился в чтение библиотечной рукописи:

«И вот семь тысяч французов, обессиленных от голода, холода и усталости в этом ужасном бегстве из Москвы под командованием несчастного маршала Нея, лишенные артиллерии, были вынуждены 18 ноября — в день русского св. Михаила принять под селом Красным последний кровавый бой с 25 тысячами свежих солдат, вооруженных 40 орудиями под командованием фельдмаршала Милорадовича. Нет слов описать всю картину избиения наших измученных и раненых солдат и офицеров. На моих глазах картечью был убит полковник Бувые, адъютантом которого я состоял со Смоленска, капитан Ляпиш и другие командиры и товарищи. Вероятно, только благодаря особой милости божией я сам остался жив среди трупов, усевшихся в поле.

«Невыразимые физические и моральные мучения начались с этого момента. Приведенный в полочку в штаб русских, я с горечью слышал, как один из военных комиссаров нашей армии поздравлял с победой русского генерала Ямшова, прославляя в недостойных французских стихах св. Михаила, изгоняющего нечестивых из рая. Затем наступили дни длительного путешествия в глубь России оборванных, замерзающих и голодающих пленных. В марте 1813 года я и мои товарищи достигли города Саратова и были заключены в тюрьму. Вероятно, только благодаря крепкой натуре и моральной энергии, которыми я обладал в 24 года, и из-за которой возможности пользоваться весенним солнцем и степным воздухом, доносившимся из-за широкой Волги, я превозмог болезнь и стал поправляться.

«Март 1814. Вот уже год, как я живу в Саратове. Лишенный книг и инструментов и забыв за время тяжелого перехода абсолютно все, чему я учился в Политехнической школе, я начал шаг за шагом воссоздавать геометрию, алгебру и анализ, чтобы получить прочную базу для более глубоких геометрических исследований и излагать их перед сотворившими по плену — полковником Одоири, капитаном де-ля Рош-Жаклен, лейтенантом Каньо и другими. Размышления, вызванные вынужденным досугом, увенчались успехом. Мне удалось найти целый ряд прекрасных теорем, способных вызвать удивление всех, кто ищет новых путей для человеческого разума.

«Июнь 1814. Неожиданно я получил разрешение покинуть Саратов. Нет большего счастья, чем снова увидеть свою родину, свой родной город, своих родителей и друзей! Между тем, бросая последний взгляд на величайшую реку Европы — Волгу, на корабли с надутыми парусами, которые бороздят ее, грузные богатства товарами из Каспийского моря, Грузии и Персии, после того, как апрельское солнце освободит ее от громадных льдин, разбухших каждый год эти же корабли, плохо укрепленные вдоль естественной набережной, на ее течение, подтачиваемые с непреодолимой силой ее берега, на возрождающийся город с длинными линиями отдельных деревянных домов и на окружающие его плодородные, но незаделанные степи — я не могу не отдалить чувство глубокого волнения, и не спросить себя, получу ли я в будущем среди дел и забот такую же радость научного творчества, как та, которая уменьшила горечь дней одиночества, холода и тоски?»

На этом рукопись обрывалась. Алексей Чижов поднял голову и задумался.

В светлом зале все сверкает, Елка блещет и горит, Пары в танце проплывают — Новогодний вальс звучит.

А когда пробьет двенадцать, Танцы вдруг замедлят ход: Мы проводим год прошедший, Встретим юный новый год.

Что сулит мне этот вечер? Сноза радостные сны. Иду загаданную встречу, Иду дыхание весны.

И приходит час желанный, Вся душа моя поет:

Он приходит, долгожданный, Нежно за руку берет.

Мы помчимся по паркету, Сердце музыка пою. Рассыпаясь нежным светом, Смотрят звезды к нам в окно.

Ночь полна сиянием звездным, Под ногами снег хрустит. В чистом воздухе морозном Наша песня полетит.

В светлом зале все сверкает, Елка блещет и горит, Пары в танце проплывают — Новогодний вальс звучит.

Новогодние послания Козьмы Пруткова-внука членам нашего коллектива

Совершенно неожиданно редакция получила письмо, подписанное: «Козьма Прутков-внук». Мы усомнились, были ли у прославленного директора пробирной палатки потомки. Кроме того, подлинность некоторых афоризмов вызвала у нас сомнение. Поэтому мы обратились за разъяснениями к специалисту-филологу студенту 3 курса Н.

Маслитный литературовед представил нам целый труд, в котором, ссылаясь на 40 источников (в том числе на несколько древнегреческих авторов), доказал, что:

а) никакого Козьмы Пруткова

вообще не было; б) афоризмы принадлежат перу неизвестного писателя начала или конца XVIII столетия, а может быть умершему несколько лет назад поэту из города Тетюши, которого он лично знал, когда ходил еще в детский сад.

Не удовлетворившись таким объяснением, мы решили сами прокомментировать послание автора, именующего себя внуком Козьмы Пруткова. Ниже мы приводим пришедшие нам афоризмы, а в скобках даем наши комментарии.

Доценту Савенкову. Всегда держись на чужой! Начальнику ОРСа тов. Могилевичу. Не все стрипти, что растет (Непонятно: то ли намек на подсобное хозяйство, то ли еще на что) Заведующему кафедрой диалектического и исторического материализма тов. Колодяжникову. Где начало того конца, который оканчивается началом? (Интересно, нельзя ли обсудить этот вопрос на философском семинаре, если он когда-нибудь соберется?)

Председателям собраний. Болтун подобен маятнику; и того и другого надо остановить. (Очень ценный совет).

Редакции газеты «Лакмус». Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (Это плагиат! У Козьмы Пруткова этого нет, списано).

Команданту 1-го корпуса тов. Жигалину. Усердие все превозмогает. Вызает, что усердие превозмогает и разум.

Строителям биологического корпуса. Глядя на это строителя свое, нельзя не удивляться (Перевутоно: у Козьмы Пруткова сказано «на мир», а не на строительство).

Низкопосланникам. Не козыряй (иностранными именами!) Нарушителям порядка в общежитиях. У человека для ног поставлена голова сверху, чтобы он не ходил вверх ногами. (Над бы обсудить этот вопрос на совещании командантов общежитий).

Председателю профкома Иванову. Наряду с недочетами есть ответственные работники. (Это замечено у И. Ильфа).

Студенту филфака В. Гура. Был он всего только серпантин изрядной словесности (опять вместо Пруткова — Ильф).

Студенту-прогульщику Шпунт (геопочвак): когда нет желания посещать занятия, пользуйся болезнью, именуемой «планомерная ангина» (сноза Ильфа).

Студентам физфака Кагановичу и Кастерину. Специалист подобен флюсу: полугода его односторонняя. (Наконец-то опять Козьма Прутков. Но почему — Каганович?.. Это, очевидно, выпад против личности). Придется обсудить вопрос на курсовом собрании).

Проф. Фурсаеву. Яблоны приносит яблоки, орешник — орехи, в лучшие плоды приносит хорошо воспитание. (Уместное замечание Александру Дмитриевичу, хорошо бы использовать в докладах против Вейсманнстоз).

Доценту Савенкову. Смотри в корни! (Опять Савенков, возмущительно! Это уже личные выпады. В таком случае лишам автор слова).

Ответственный редактор Б. И. ИЛЬИН